

Диалог

Д. Лихачев. В утешение старым людям и тем, кто потерял близких, надо сказать следующее: когда надеются на встречу после смерти, это не суеверие какое-то, а определенный опыт. Я не принадлежу к верящим в культ предков, но все-таки в этом есть что-то очень серьезное. Научное, непредвзятое изучение религий и представления о Времени в различных религиях чрезвычайно важно. Религии существуют, думаю, миллионы лет. И в том, что касается культа предков и категории Времени, они утверждают примерно одно и то же. Но если сравнить все религии между собой, тем не менее нельзя сказать, что они апеллируют к одним и тем же чувствам. Другими словами, что они одинаковы. Возьмем, допустим, японскую религию синто. Мне она очень нравится отношением к культурам природы. Но в христианстве есть то, что отличает его от всех остальных религий: это Человек и его Страдающий Бог. Впрочем, страдающий бог появился еще у древних греков.

Н. Самвелян. Тот же Прометей. Он сознательно страдал за людей. И не только Прометей... Любя людей, Прометей все же принес в мир идею всемогущества человека, возможность его победы над судьбой, роком, а далее напрашивается — и над природой, над ее законами. Недаром же ныне забытый русский поэт Борис Карлович Бланк еще на рубеже XVIII и XIX веков грустно-элегично писал:

Божественный огонь, который Прометей
С небес похитил для людей.
Сей разум иногда нас, правда, освещает,
Был разум — это всякий знает.
Но чаще невпопад ведет;
В украденном добре когда ж и прок живет!

Насилие над природой, попытки стать над нею и привели в конце концов к грандиозному кризису, из которого не так-то просто выйти. Только какой именно будет расплата: апокалипсис или же лишь грозный призрак его?.. Случайно ли образ Прометея всегда виделся противоречиво, тревожил воображение многих писателей, того же Андре Жида.

Если же говорить о христианском Страдающем Боге, то он пошел на муки за грехи людей. Бог, сознательно страдающий за грехи человека, — одна из основ христианства.

Д. Л. Страдающий и умирающий Бог как бы оправдывает страдания самого человека. В нравственном отношении это очень важно. Именно поэтому Осип Мандельштам утверждал, что современный человек должен, обязан быть христианином. Почему именно христианином? Потому, считал он, что в современном страдающем обществе только христианство может и утешать, и управлять страданиями человека. Именно управлять, не допускать того, чтобы одно страдание повлекло за собой другое и чтобы этот круг никогда уже нельзя было разорвать. Одно наблюдение: люди, пришедшие к христианству, часто лучше и тоньше его чувствуют, чем люди традиционно христианские. Это объяснимо. Тот, кто пришел к христианству, — пришел сознательно, а не получил его по наследству, так сказать по инерции. Христианство Мандельштама и Пастернака тому примеры. В связи с этим несколько слов о «Докторе Живаго». По моему убеждению, это произведение, пока еще не понятое до конца... И не знаю, в состоянии ли мы вообще его понять. Может быть, это уже удел и привилегия потомков.

Н. С. Если вы сомневаетесь, что нам дано понять роман, значит, и ваше предисловие к первому у нас в стране изданию «Доктора Живаго» — «рабочее», промежуточное, как бы только подход к тому, что еще в будущем может быть сказано?

Д. Л. Я лишь пытался как-то разобраться в романе, объяснить, почему это произведение выдающееся, но

мне было трудно: надо было постоянно помнить о читателе, который, подобно всем нам, к сожалению, плохо подготовлен к восприятию произведений такой силы. Но я бы мечтал написать о «Докторе Живаго» еще одну статью — о его философской и религиозной глубине.

Н. С. Конечно же, «Доктор Живаго» — роман об уничтожении христианской культуры или же о попытке ее уничтожить. Трагедия огромной силы. С Атлантидой было проще — возникла гигантская волна, утопила целую цивилизацию, но быстро и без мучений. А в «Докторе Живаго» присутствует тревога, трудноуловимое предчувствие, что за первой волной бедой пойдет и вторая, третья, четвертая... И все это будет связано не только с физическими, но и нравственными мучениями. Почти тысячу лет, а если быть точным — намного больше, эта культура формировалась как уникальная, никаких аналогий не имеющая, возникшая на перекрестье Европы и Азии, Запада и Востока, Севера и Юга, на фундаменте славянских, угро-финских, закавказских, исламских, многих языческих культур под сильнейшим воздействием восточного христианства, наследующего Византию и ее собственную мощную культуру. А еще и античные влияния — через Кавказ, Закавказье, а прежде всего — греческие колонии в Крыму и Северном Причерноморье. Случайно ли Киевская Русь так сразу, как бы внезапно стала «страной городов»? Откуда это умение строить города? Не от древних ли греков пришли знания?.. Юрий Живаго чувствовал, как гибнет то, что создавалось гением и трудами сотен поколений... Это нравственные муки такого же масштаба, как у Гамлета, когда сознание протестует, а сил остановить совершающееся нет... Я хотел бы когда-нибудь увидеть изданных под одним переплетом «Гамлета» и «Доктора Живаго».

Д. Л. Может быть... И такое предложение — вовсе не парадокс. «Гамлет» — тоже нечто невероятное и не утратившее значения по сей день: грандиозная трагедия мыслящего человека, интеллигента в сегодняшнем понимании. У меня есть любимая идея издать в «Лите-

ратурных помятниках» двухтомник «Гамлета» — с английским текстом, с разными переводами — Пастернака, Радловой, Лозинского, с точным научным переводом и с комментарием. Мы должны понять, что Гамлет — не просто колеблющийся человек. Он — человек мыслящий. А не колеблется только полуинтеллигент или немыслящий. Мыслить — значит колебаться, сомневаться, уметь отходить от заученных схем и догм. «Гамлет» нужен нам сегодня, как никогда! Мы не поднимем экономику, не сможем реформировать политическую систему, если не поймем вечную истину: мыслить — значить сомневаться.

Н. С. Что касается принца датского, то с ним вопрос и прост, и сложен. Легче всего Гамлета объявить рефлекслирующим субъектом, который своими колебаниями, непрерывными сомнениями массу людей погубил и обездолил, а родину положил к ногам норвежского принца Фортинбраса. Мы знаем, что Гамлета, случилось, именно так и понимали: этаким хлюпиком. Но не надо забывать, что это был человек, находящийся в состоянии постоянного суда над самим собой.

Д. Л. Готов повторить: Гамлет — мыслящий человек и не может вести себя иначе. Не сомневается существо бездуховное...

Н. С. Все так, Дмитрий Сергеевич. А сейчас хотел бы сказать еще вот о чем. О сомнениях и метаниях Гамлета мы узнали из его реплик и монологов, большинство которых могло быть и внутренними. Ну а если эти монологи убрать, предположить, что Гамлет по каким-то причинам не счел бы нужным сообщать нам и публике о своих сомнениях и метаниях, каким бы он тогда предстал перед нами? Наверное, стремительным, бескомпромиссным человеком, уколы шпаги которого точны, словно атака змеи. Гильденстерн, Розенкранц, Полоний, Клавдий, королева, Офелия и Лаэрт сказали бы, что принц беспощаден, ни во что не ставит человеческую жизнь (правда, при этом им следовало бы добавить, что и свою собственную тоже). Тут где-то рядом бродит и снабженное достаточным количеством аргументов обвинение в неуважении к личности, в непони-

мании ее ценности. Между тем Гамлет просто восстал против мира фарисейства и лицемерия. Он безусловный разрушитель этого мира, руководила им Совесть. В куда более сложном положении доктор Юрий Живаго. Он догадывается, а может быть, даже и понимает, что мир, его породивший (кстати, не самый плохой из миров), обречен. Все уйдет, и навсегда. Видоизменится семья, она лишится ореола интимности, во взаимоотношения между мужчиной и женщиной, между отцами и детьми начнут грубо вмешиваться посторонние силы, и тем самым будет торпедирована сама идея личной жизни: какая такая личная жизнь? Голому на ветру личная жизнь не положена, разве что регламентированная, отпущенная строго по карточкам, с обязательным отчетом за использование талонов перед коллективом. Уже вынашивались, зрели где-то анти-Ромео и анти-Джульетта — хотя бы те же «Сорок первый» Бориса Лавренева и «Оптимистическая трагедия» Всеволода Вишневского, да и пьесы Александра Корнейчука, его статьи и даже личные письма, публицистика позднего Горького, который, в отличие от Юрия Живаго, мучительно пытался приспособиться к новым обстоятельствам... Но можно ли быть свободным посреди несвободы?

Юрий Живаго не играл в эти игры. Он вообще не был активным политиком, чем и интересен. И все же, несмотря на известную внешнюю стандартность, он никак не элементарный обыватель, а явление куда более сложное: это умный наблюдатель, летописец. Перед нами своеобразная летопись — раны и шрамы на сердце и в душе. Пришла эпоха, когда летописцам не давали возможности заниматься летописями: рукописи горели на каждом углу. Уничтожалась коллективная память народа, провозглашался страшный лозунг: «Человек, тебе прошлого не дано, живи надеждами на Завтра, которое начинается Сегодня! Поэтому тебе не дано знать, кто ты и откуда ты». К этому долго шли, но с упрямством, достойным лучшего применения...

Д. Л. Необходима «История совести» — все больше думаю об этом; я имею в виду не историческое исследование, а собрание произведений... Она может дать ответы на многие вопросы и станет, уверен, философским,

этическим, художественным явлением. Мне очень хочется, чтобы туда вошла, к примеру, «Чертова кукла» Лескова. Поразительный документ — как художник может продаться ради успеха, погубить свой талант! Ведь мы это наблюдаем на каждом шагу. Не хочу называть имена художников, но, прочитав «Куклу», они себя узнают. И другие их узнают... И еще я хотел бы увидеть изданную сегодня книгу Энгельгардта — в великолепной художественной форме, со вкусом, великолепным русским языком в ней рассказано о проблемах русского земледелия. Отношение к земле всегда остается главным в жизни.

Н. С. Именно к земле в широком понимании... не к заводам, фабрикам, банкам, средствам транспорта, включая личные автомобили, а именно к земле. Жизнь дает земля. И в землю мы до недавних пор уходили. Теперь стали реальностью космические полеты. С того момента, когда первый землянин будет похоронен на какой-нибудь другой планете, станет реальностью новое понимание «прописки» человека в космосе. Снова вспомнят слова Циолковского о том, что Земля — колыбель человечества, но нельзя всегда жить в колыбели... Почему-то эти слова вызывают какой-то неосознанный протест. Земля все равно останется для человека колыбелью, родиной.

Д. Л. Конечно. Отношение к земле, кроме всего прочего, вопрос нравственности. Если крестьянин, земледелец любит землю, тогда общество здоровое и способно выстоять против любых ветров и бурь. Тот, кто наблюдает, как весной из земли появляются ростки, жизнь появляется, есть и будет носителем нравственного начала в обществе. Совершенно согласен с тем, как вы недавно писали, главная фигура общества — Пахарь. В широком, а не только прикладном смысле слова. Но вернемся к «Гамлету». Да, это, конечно же, трагедия сознания...

Н. С. Вопрос о сознании, о духовном начале сложнее. Мы о нем с вами говорили и не могли понять, как же оно возникает...

Д. Л. И когда? В зародыше ли? Может быть, еще ранее...

Н. С. И куда исчезает?

Д. Л. Да никуда не исчезает. Исчезнуть оно не может: закон сохранения энергии. Одно из предположений — присоединяется к другим сознаниям...

Но мы с вами несколько отвлеклись от темы. Думаю, сегодня главное — забота о сохранении культуры, понимание того, что культура принадлежит всему человечеству. Надо ли говорить, мы сегодня все больше убеждаемся, что мировая культура — единое целое, что культурный процесс вообще неразрывен. Во всех направлениях и во всех смыслах.

Н. С. Вот почему, например, необходимо создание того, что можно было бы условно назвать «Культурной картой мира» или «Культурной картой отдельных стран».

Такие «Культурные карты» важны для всех, а для нас особенно, прежде всего потому, что они позволят представить наконец развитие культуры объемно, целостно, как единый, вместе с тем противоречивый, полный борьбы процесс. Вспомним хотя бы о том, какого рода знаний мы были лишены: все, имевшее отношение к тому, что именовали материалистическим мировоззрением, рассматривалось как единственно значимое, имеющее право на жизнь; все остальное, что принято было именовать идеалистическим мировоззрением, автоматически заносили в разряд заблуждений. Каким же суженным, произвольным был наш взгляд на историю мировой культуры...

Д. Л. Как вы это себе представляете, Николай Григорьевич?

Н. С. Я говорю об этаких своеобразных энциклопедиях. Их надо издавать на всех основных языках. Книжки эти должны содержать справочные сведения о культуре, об истории ее в том или ином городе, регионе, стране. Например, во Львове, кроме украинской, польской и русской культур, существовали армянская и не-

мецкая, чешская и еврейская. Кто знает, если бы существовала в 20-х и 30-х годах «Культурная карта страны», в которой названы были бы имена живущих в том или ином городе, республике писателей, художников, композиторов, актеров, Сталину со товарищами было бы труднее заниматься репрессиями в таких диких и разнузданных формах: легко было бы взять в руки «Культурную карту» и посмотреть, выяснить, как опустошают материк культуры.

А сегодня в Румынии, быть может, постеснялись бы сносить венгерские и немецкие деревни: может, подумали бы о том, что скажут люди? Существовай «Культурная карта» — повторяю, — труднее будет взрывать храмы, торговать эрмитажными собраниями, угнетать деятелей культуры. Охочие до таких действий люди время от времени находятся. «Культурную карту мира» можно было бы изучать в университетах, школах...

Д. Л. «Культурная карта» — это хорошо и это нужно. И еще об одном... Человечеству мы желаем бессмертия. Оно невозможно без внутренней честности, без умения видеть удобное и неудобное, радующее и печальное, без желания отыскать ту истину, которая рождается только в сопоставлении различных мнений и точек зрения. Возвращаюсь к мысли о создании «Истории совести» — истории человеческих заблуждений, истории героических признаний своих ошибок. Начинать ее следовало бы, возможно, с письма Владимира Мономаха к Олегу Гориславичу, а может быть, и с еще более ранних событий. Мудрость — это еще и принципиальность в сочетании с терпимостью и верой в разум, с умением признать собственные заблуждения. А разум — коллективное достояние человечества. Ни у кого нет монополии на него. Никто не вправе считать свое мнение истиной непогрешимой, а самого себя ее носителем.

Н. С. Дмитрий Сергеевич, и, может быть, назвать все это «Историей совести, историей заблуждений»?

Д. Л. Пожалуй. И начинать ее надо тогда чуть ли не с Платона.

Н. С. Действительно, в «Диалогах» Платона с Сократом очень наглядно само мышление, его ход, умение самого себя поймать на том, что загнал себя в тупик, найти силы отказаться от заблуждения... Это как бы множество микропокаяний и микрораскаяний, которые звучат нечетко, глухо, но все же постоянно присутствуют. Очень жаль, что «Диалоги» издавались у нас так редко. Можно даже сказать: недопустимо редко. Грамотное общество не имеет права разрешать себе такое. В «Истории совести, истории заблуждений» платоновские «Диалоги», конечно же, обязательны.

Д. Л. Я хотел бы сказать о том, что обычно серии книг мы издаем по определенному трафарету: серии путешествий, серии исторических, приключенческих романов, серии воспоминаний, мемуаров.

Н. С. По жанрам, как организован Союз писателей.

Д. Л. Да, по жанрам. Так проще.

Н. С. Но это не организует мысль.

Д. Л. Серия «Совесть» должна быть издана и стоять на книжных полках в доме каждого мыслящего человека. Евангелие, «Поучения» Владимира Мономаха, «Измарагд»...

Н. С. Странное дело, «Измарагд» не упомянут ни в первом, ни во втором издании «Литературной энциклопедии». Этакая фигура стыдливого умолчания. Между тем «Измарагд» был, насколько я понимаю, своеобразным подходом к «Домострою». Эти статьи-поучения не просто были переведены с греческого, а как бы переработаны с учетом местных условий.

Д. Л. Нет сомнения, «Измарагд» — веха в нашей культуре. А следовательно, одна из вех в мировой культуре. И удивительно, что у нас почти нет современных работ, посвященных ему, если не считать вышедшего еще в 1974 г. исследования Адриановой-Перетц «К вопросу о круге чтения древнерусских писателей».

Н. С. Лет за сто до наших дней в Одессе был издан «К литературной истории древнерусских сборников. Опыт исследования «Измарагда». А в 1911—1912 гг. старообрядцы в своей типографии издали «Измарагд». Вот, пожалуй, и все, что мы можем знать об «Измарагде».

Д. Л. То, что «Измарагд» практически недоступен нашим читателям, необъяснимо. Это большая книга. Замечательная книга. Без нее нельзя понять развития нашей культуры, основ нравственных начал народа, наших идеалов. Ведь это удивительно: некоторые русские люди, которые сейчас берутся защищать русскую культуру, совершенно не знают «Измарагда», а о «Домострое» знают только по Добролюбову, который объявил «Домострой» символом всяческого ретроградства. На самом деле «Домострой» был очень прогрессивным. Он тоже стал ступенью, этапом в развитии нашей культуры, в том числе — или прежде всего — культуры быта, общежития, поведения, этики. В тех условиях он убеждал, что нельзя бить беременную жену, нельзя бить по определенным местам человеческого тела. Если нерадивых слуг наказываешь, то позднее надо обязательно сделать так, чтобы человек не испытывал униженности, ущемления собственного достоинства. Этому не грех бы учить и сегодняшних администраторов. Сегодня, если человека наказали на службе, он сразу же становится отверженным, с ним почти что перестают здороваться. А это порождает озлобление, чувства разрушительные... Нет, «Домострой» явно недоучитывают.

Н. С. Дмитрий Сергеевич, заочно мы с вами были знакомы давно, а впервые увидели друг друга лет десять-двенадцать назад, на вечере в московском Доме архитектора. Был вечер без четкой программы, но все говорили о традициях в культуре, о том, что мы относимся к ним слишком легкомысленно, плохо знаем безусловные достижения наших предшественников. Ваше выступление было посвящено «Домострою».

Д. Л. Помню тот вечер. Я выступал там, ожидая, что такая оценка «Домостроя», по крайней мере у части

зала, вызовет недоумение. Ведь есть заблуждения, с которыми надо бороться терпеливо и настойчиво... Некоторые идеи «Измарагда», конечно же, позднее прозвучали и в «Домострое».

Что же касается «Истории совести», в ней должны быть «Исповеди» Руссо и Льва Толстого. Правда, к «Исповеди» Руссо могут быть большие претензии.

Н. С. Как ни грустно, в «Исповеди» Руссо есть позерство. И вообще это не совсем исповедь, а художественное произведение под названием «Исповедь». Автор умело рисует себя, бравировает собственной отчаянной открытостью, но открывает он лишь то, что хочет, что ему удобно.

Д. Л. Это произведение не очень высокого класса в нравственном отношении.

Н. С. Руссо не верил ни людям, ни себе.

Д. Л. Вот именно: не верил себе и не верил в себя. Он сознательно преувеличивал свои недостатки и из-за этого стал слегка противным. От Руссо, это мое твердое мнение, и его «Исповеди» пошло много плохого.

Н. С. Научил грамотно обосновывать безнравственность?

Д. Л. Что-то в этом роде. Думаю, найдутся люди, которые иначе воспринимают «Исповедь» Руссо. Это их право.

Н. С. Не слишком ли мы строги к Руссо? Что касается «Исповеди», то в ней, думается, есть определенная поэтизация и эстетизация безнравственности, которая выглядит как объяснение необходимости гибкости мышления. А это привело к такой же, не всегда объяснимой и оправданной, подвижности нравственных норм — а они тем и хороши, что «упрямы», как бы всегда охлаждают горячие головы и охотников ежедневно пересматривать основы нравственности по своему собственному усмотрению: есть там и попытка считать инстинкты элементами сознания и даже объявить ин-

стинкты чуть ли не фундаментом структуры личности. Напомним, что другими философами не менее аргументированно доказано: сознание всегда воевало с голыми инстинктами. Кстати, Блаженный Августин в своей «Исповеди» столь же отчаен, как и Руссо; Августин, может быть, одним из первых решился проследить с достаточной откровенностью путь внутреннего становления личности — со всеми испытаниями, искушениями, заблуждениями и соблазнами, с заглядыванием в глубины, в «бездны» души. Но у Блаженного Августина личная философская и этическая позиция последовательнее, чем у Руссо. Он был упрям в своем неприятии ортодоксальной схоластики Фомы Аквинского, не признавал правомочности действий Алариха, который взял штурмом святой город Рим. Августин отвергал всяческое насилие, в том числе и насилие государственное, считал это признаком греховной испорченности человека... У Августина очень четкие позиции в его лирической «Исповеди»...

Д. Л. Посчитают, что мы говорим что-то «не так»? Пусть считают, как хотят... Есть уже огромная усталость от слишком причесанных мыслей. Давайте лучше подумаем, что бы еще можно было включить в серию «Совесть». Ну, конечно, «Гамлета», о чем уже говорили, и «Доктора Живаго». И отдельно, и единой книгой. Романом Пастернака можно было бы завершить серию. Вновь вспомнил роман: какое там описание весны! Кстати, автору было знакомо удивление перед чудом рождения новой жизни — из земли вдруг появляется росток... Когда денег не было, Пастернак завел огород, чтобы не умереть с голоду. Но это так — отступление от темы... Думайте, думайте, что бы еще можно было включить в серию, обязательную для каждого мыслящего человека... Ну, например, «Исповедь» Августина, которую мы уже упоминали. Надо что-то чеховское, «Архиерея», может быть?

Н. С. «Степь»?

Д. Л. Да, конечно, «Степь». Обязательно надо. И еще — «Обломова». Этот роман, так же как «Га-

млет», «Доктор Живаго», каждое поколение будет понимать по-своему. И еще, конечно, Пушкина. Его лирику, пропущенную через воспоминания — детства, юности, молодости, полную самооценки...

Н. С. И еще — обязательно Гоголя...

Д. Л. Вот мы и наметили черновой план «Истории совести». Теперь его можно расширять, уточнять. Впрочем, это даже не черновой список, а, думаю, лишь намек на идею. В каждой национальной культуре «История совести» будет своя. Как нет людей, которые во всем были бы прекрасны, так нет и народов, которые никогда, ни разу за свою историю не впадали бы в коллективные заблуждения, не творили бы того, в чем позднее пришлось бы раскаиваться. И поэтому «История совести, история заблуждений» должна быть живой, постоянно пополняющейся серией.

Н. С. А что если попытаться предложить «Историю совести» в качестве обязательного предмета в учебных заведениях мира? И тут я не могу уйти от мыслей о так называемом «феномене Сталина». Тема надоела. Но ни нам, ни нашим потомкам от нее не уйти. Кроме того, все, или почти все, диктаторы в той или иной степени стремятся надеть на себя маску «Страдающего Бога»; подчеркнутый аскетизм, который чаще всего — умелое театральное действие; как правило, отсутствие полноценной семьи, нелюбовь ко всем видам эстетических поисков в литературе и искусстве, тяга лишь к тому, что стало общеизвестным и общепризнанным, этакая тяга к «классике», в чем нет ничего плохого или предосудительного, если при этом нет атак на «модернизм» во всех его видах. Это — инстинктивная атака на все виды независимого эстетического, художественного и философского мышления.

Д. Л. Вы видите эту тему, Николай Григорьевич, в контексте «Истории совести»?

Н. С. Да, Дмитрий Сергеевич... Уже есть люди, которые раскаиваются в содеянном. Например, проживающий в Киеве человек, бывший в 1937 г. палачом. Что же ка-

сается «феномена Сталина», то это все же, как мне кажется, явление скорее религиозного толка, мистического, своего рода массовый психоз. Огромное множество людей испугалось пути в неведомое. И был истребован из арсеналов всех возможных вариантов коллективного сознания самый мрачный вариант религиозного культа. Многим, очень многим «феномен Сталина» нужен был для обоснования своих собственных поступков, уверенности в том, что таланты «назначаемы», что нет в мире ничего объективно существующего. Не так давно я листал журнал «Рабочий и театр», орган Ленискусства и Облпрофсовета. В нем в № 32—33, вышедшем в свет 7 декабря 1931 года, на страницах 10—11 композиторы Янковский, Гладковский, Цурмилен, Аренков, Пейсин объяснили Дмитрию Шостаковичу, что он, выступая против «обезлички композиторов», наносит удар по коллективизму, а сам является индивидуалистом, поскольку выпячивание своих эстетических концепций, постоянное отстаивание их — явление недопустимое и контрреволюционное. Вот цитаты: «...вы подменили красноармейскую пляску кулацкой пляской...», «После выхолощенного формалистского «Носа» вы шли на трамбовскую работу...», «...в так называемой «попутнической» среде композиторов, вы, как и другие, одиночка», «...вместо того, чтобы пересмотреть свои позиции, вы отступаете на старые позиции “высокого искусства”» и так далее. Откуда этот дебриум, этот горячечный бред?

Д. Л. Бездарности решили, что настала их пора расправиться с талантами. Это был их звездный час.

Н. С. Да, им был неудобен Страдающий Бог — призыв к Покаянию, призыв спасти себя, свое сознание от попыток ломать нормальное и естественное течение жизни, насиловать природу человека. Страдающий Бог — это еще и философская позиция: каждый должен помнить, что за него страдают, что приняли мучения за его грехи. А безгрешных не бывает. Тот, кто запелляционно объявляет себя безгрешным, попросту опасен для общества. Если не завтра, то послезавтра он может стать деспотом и диктатором, поведет к пропасти. Навязанная силой формула счастья — по

сути, одна из самых горьких форм несчастья. Между тем понимание идеи Страдающего за тебя Бога делает человека терпимее к другим и требовательнее к себе. Вероятно, Страдающий Бог — нравственный и философский эпиграф к «Истории совести». А составить хотя бы вчерне программу издания у нас можно, по всей вероятности, лишь после широкого обсуждения ее, в котором примут участие и педагоги, и писатели, и философы — все, кому близка сама идея.

Д. Л. Наверное, правильнее всего не оттягивать дело, а начать его. Дополнения и поправки можно делать в рабочем порядке. Надо учиться еще одному — умению действовать, не откладывая все на «завтра», «послезавтра» и вообще на далекое будущее. При параличе воли к действию этого будущего может и не быть.

Н. С. Конечно, Дмитрий Сергеевич. И может быть, сейчас время назвать и те условные заповеди человечности, которые вы начали обдумывать однажды в Болгарии, а потом мы их с вами уточняли в «Узком». Была зима...

Д. Л. Да, девять заповедей человечности... Не убий и не начинай войны; не помысли народ свой врагом других народов; не укради и не присваивай труда брата своего; ищи в науке только истину и не пользуйся ею во зло или ради корысти; уважай мысли и чувства братьев своих; чти родителей и прародителей своих и все сотворимое ими сохраняй и почитай; чти природу как мать свою и помощницу; пусть труд и мысли твои будут трудом и мыслями свободного творца, а не раба; пусть живет все живое, мыслится мыслимое; пусть свободным будет все, ибо все рождается свободным...

Под ними расписываюсь и ставлю число — 23.11.89.